DOI: 10.31857/S0321507525090052

Химачали, куллуи или хинди: современная языковая идентичность в Индии на примере ситуации в Химачал-Прадеше

© Спектор И.Б.[a,b,c], Крылова А.С.[a,d], 2025

[a] Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
[b] Институт стран Азии и Африки МГУ, Москва, Россия
[c] ORCID: 0000-0003-3124-6938; spektorilya93@gmail.com
[d] ORCID: 0000-0002-2286-3304; krylova_anastasi@bk.ru

Резюме. Статья посвящена анализу языковой идентичности в индийском штате Химачал-Прадеш в контексте общенациональных процессов изменения языковой политики в Индии.

Авторы рассматривают исторические предпосылки доминирования хинди в официальной сфере и фактическую маргинализацию химачальских языков, являющихся родными для большинства населения штата. Эти языки малоизучены и рассматриваются с официальной точки зрения как диалекты хинди, несмотря на то, что лингвистически уже давно отнесены к самостоятельной ветви индоарийских языков. Стандартизированная письменность отсутствует, автохтонная письменная традиция (танкри) утрачена в середине XX в. Так как разница между языками химачали достаточно велика, а общехимачальского койне не существует, создание литературной общехимачальской нормы маловероятно.

Проводится сравнение химачали с другими индийскими языками, испытывающими схожие проблемы – отсутствие литературной нормы, утрата письменной традиции и негативная самооценку носителей. Анализируются социально-экономические факторы, включая миграцию и демографические изменения, влияющие на усиление языкового активизма. В заключении рассматриваются современные инициативы по поддержке и сохранению местных языков.

Ключевые слова: Индия, Химачал-Прадеш, региональная идентичность, языковая политика, языковые права, *химачали*

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10052. https://rscf.ru/project/24-78-10052/

Для цитирования: Спектор И.Б., Крылова А.С. *Химачали, куллуи* или хинди: современная языковая идентичность в Индии на примере ситуации в Химачал-Прадеше. *Азия и Африка сегодня*. 2025. № 9. С. 46–54. DOI: 10.31857/S0321507525090052

Himachali, Kullui, or Hindi: Features of Linguistic Identity in India through the Case of Himachal Pradesh

© Ilya B. Spektor[a,b,c], Anastasia S. Krylova[a,d], 2025

[a] Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
[b] Institute of Asian and African Studies, Moscow State University, Moscow, Russia
[c] ORCID: 0000-0003-3124-6938; spektorilya93@gmail.com
[d] ORCID: 0000-0002-2286-3304; krylova_anastasi@bk.ru

Abstract. The article examines linguistic identity in the Indian state of Himachal Pradesh within the broader context of nationwide transformations of language policy. The authors explore the historical foundations of Hindi's dominance in the official sphere and the resulting marginalization of *Himachali* languages, which remain the mother tongues of the majority of the state's population. These languages remain understudied and are officially classified as dialects of Hindi, despite having long been recognized in linguistic scholarship as constituting an independent group of the *Indo-Aryan* languages. A standardized orthography is lacking, and the region's indigenous written tradition, Tankri, fell out of use in the mid-20th century. Given the substantial internal diversity among the *Himachali* languages and the absence of a common *Himachali* koine, the emergence of a unified literary standard for *Himachali* appears unlikely. A comparison is drawn with other Indian languages facing similar challenges, such as the absence of a standardized literary form, the loss of traditional scripts, and the negative self-perception among speakers. The study also analyzes socio-economic factors,

including migration and demographic shifts that contribute to the strengthening of language activism. The conclusion discusses contemporary initiatives aimed at supporting and preserving local languages.

Keywords: India, Himachal Pradesh, regional identity, language policy, language rights, *Himachali*

Acknowledgement. The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation № 24-78-10052. https://rscf.ru/project/24-78-10052/

For citation: Spektor I.B., Krylova A.S. *Himachali, Kullui*, or Hindi: Features of Linguistic Identity in India through the Case of Himachal Pradesh. *Asia and Africa today*. 2025. № 9. Pp. 46–54. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507525090052

ВВЕДЕНИЕ

В начале 2025 г. разгорелся конфликт между центральным правительством Индии и властями штата Тамилнаду по поводу роли хинди в системе образования. Региональная партия ДМК (Дравида Муннетра Кажагам – Федерация дравидского прогресса), возглавляющая штат, выразила опасения, что предлагаемые образовательные реформы приведут к тому, что хинди станет обязательным языком обучения в Тамилнаду[1]. Этот конфликт, практически незамеченный за пределами Индии, стал отражением сложного и продолжающегося процесса изменения языковой иерархии в стране – процесса, который не завершился даже после принятия Конституции в 1950 г.

Языковой вопрос был актуален с самого начала общеиндийского национального движения в конце XIX в. Это движение изначально носило мультиязычный характер, поскольку имело три центра – Калькутту, Мадрас и Бомбей, в каждом из которых говорили на разных языках.

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ИЕРАРХИИ

Идея географического национализма в Южной Азии предполагала равенство всех языков – от Кашмира до Каньякумари, несмотря на их различия. Однако в последние десятилетия перед обретением независимости в Индийском национальном конгрессе (ИНК) сформировался консенсус: хинди должен стать «первым среди равных». Одним из главных сторонников идеи введения *хиндустани*, записанного персидским письмом или *деванагари*[2], был М.К.Ганди [1, p. 39]. Это объяснялось прежде всего тем, что хинди имел наибольшее число носителей, а с 1911 г. столица Британской Индии находилась в Дели – центре хиндиязычного региона. После получения независимости Дели остался столицей, и через 3 года была принята Конституция, закрепившая основы языковой политики Конгресса.

Хинди, записываемый письмом *деванагари*, был провозглашен официальным языком Союза штатов Индии[3]. Английский язык, изначально получивший временный статус, де-факто стал постоянным – во многом потому, что регионы, где хинди не является родным (прежде всего юг и восток страны), выступили против его навязывания в государственных учреждениях. Решением проблемы стало признание официального статуса крупных региональных языков. Ст. 344 Конституции регламентировала деятельность парламентской комиссии, которая разрабатывала законодательную базу не только для хинди, но и для других значимых языков.

Изначально, помимо хинди, официальный статус получили 13 языков (4 *дравидийских* и 9 *индоарийских*). Почти каждый из них доминировал на определенной территории, и их признание предполагало создание соответствующего штата. Так, согласно Акту о реорганизации штатов 1956 г., 12 из этих языков стали официальными в новых административных образованиях, созданных по этнолингвистическому признаку.

Казалось бы, реализовалась политика баланса, крупные региональные языки получили равный статус в сферах образования и государственного управления. Однако уже в изначальном списке официальных языков оказались элементы, выходящие за рамки этой логики: *санскрит* – язык, фактически не

[1] Why NEP 2020 has turned a language battle in Tamil Nadu. https://www.indiatoday.in/india-today-insight/story/why-nep-2020-has-turned-a-language-battle-in-tamil-nadu-2692146-2025-03-11 (accessed 27.04.2025)
[2] Письменность, используемая для хинди, санскрита и ряда других индоарийских языков (*прим. авт.*).
[3] Constitution of India 343.1. Ст. 1 Конституции Индии определяет Индию как союз штатов (*прим. авт.*).

имеющий живых носителей и рассматриваемый как часть культурного наследия, и *урду* – язык северо-индийских мусульман, не связанный с определенной территорией.

Одновременно с самого начала существовало множество этнических сообществ, которых новая языковая иерархия не устраивала. Они начали добиваться ее пересмотра практически сразу. Первым успешным примером стала 21-я поправка к Конституции, принятая в 1967 г., которая закрепила официальный статус за языком *синдхи*. При этом после раздела страны в 1947 г. подавляющее большинство носителей *синдхи* осталось в Пакистане, а в Индии – лишь небольшая община беженцев. Тем не менее именно их общественные организации начали активную кампанию за признание языка. Лидеры синдхских беженцев обращались к правительству, утверждая, что их сообщество пожертвовало родной землей ради индийского патриотизма, оказавшись «без родины в собственной стране» [2, p. 351]. Это стало важной вехой: официальный статус получил язык с относительно малым числом носителей, что вдохновило другие группы языковых активистов.

Следующее изменение произошло лишь четверть века спустя. 71-я поправка гарантировала официальный статус языкам *конкани*, *манипури* и *непали*. Последнее изменение имело место в 2003 г. – официальный статус получили *догри*, *сантали*, *майтхили* и *бодо*. Но вопрос вовсе не был закрыт – наоборот, последние 2 десятилетия есть время активизации движений языковых активистов, которые влияют на политический расклад в отдельных штатах и в конечном счете на общенациональную политику.

Вопросами расширения списка официальных языков занимается специальная парламентская комиссия, которую изначально возглавлял известный писатель на языке *ория* С.Махапатра[4]. К настоящему моменту на рассмотрении комиссии находится почти 40 языков. Из-за того, что на общенациональном уровне процесс фактически остановился, власти штатов сами наделяют местные языки официальным статусом. Чаще всего это происходит в небольших северо-восточных штатах – так официальный статус на местном уровне получили *мизо*[5], *бхутия*[6], *кхаси*, *гаро*[7] и еще несколько языков. Деятельность же парламентской комиссии даже на официальном уровне признается неудовлетворительной. В 2017 г. парламентский Комитет по исполнению правительственных обязательств констатировал отсутствие каких-либо внятных критериев, по которым языки могут получать официальный статус[8].

В настоящее время большое количество носителей перестало быть определяющим критерием для признания языка на официальном уровне. В современной Индии может существовать язык без собственного штата, так же как и штат без официального регионального языка. Показательным примером является Нагаленд – штат с ярко выраженной региональной идентичностью и историей вооруженного сепаратистского движения, которое с большим трудом было подавлено центральными властями. Несмотря на сильную этническую консолидацию, единственным официальным языком штата остается английский, поскольку взаимопонимание между различными языками *нага* недостаточное.

Очевидным критерием может быть наличие литературной нормы, существующей хотя бы несколько десятилетий. Этому критерию соответствуют все языки, признанные на общенациональном уровне. Но, с другой стороны, можно привести примеры языков, подобную традицию имеющих, но официального признания не получающих даже на региональном уровне. Также нужно отметить то, что в сознании большинства жителей Южной Азии самостоятельный статус языка практически обязательно должен подкрепляться наличием отдельной графики. Неудивительно, что, например, Р.Мурму, создавший в 1925 г. письменность для языка *сантали*, не заимствовал символы из *деванагари*, а создал с нуля собственную систему. Активисты *дравидийского* языка *гонди* – одного из самых крупных языков, претендующих на официальный статус (примерно 15 млн носителей в штатах Чхаттисгарх, Мадхья-Прадеш и Махараштра) – также делают упор на наличие у них собственного письма.

---

[4] Government of India, Ministry of Home Affairs, Department of Official Language. Lok Sabha Unstarred Question No. 2941. https://rajbhasha.gov.in/sites/default/files/2941engls.pdf (accessed 28.04.2025)
[5] Mizoram Official Language Act, 1974.
[6] The Sikkim Official Languages Act, 1977.
[7] The Meghalaya State Language Act, 2005.
[8] Committee On Government Assurances (2016-2017) (Sixteenth Lok Sabha) Fifty-Fifth Report Review Of Pending Assurances Pertaining To The Ministry Of Home Affairs Presented to Lok Sabha on 11.04.2017.

Пример *гонди* характерен: несмотря на большое число говорящих, язык не получает официального статуса, инициативы на региональном и общенациональном уровнях не находят поддержки у крупных партий[9]. То же самое происходит с *мундари* и другими крупными «племенными» языками.

Одной из основных проблем на сегодняшний день является вопрос о разграничении понятий «язык» и «диалект» в хиндиязычном ареале. Политический консенсус, сформировавшийся еще в начале XX в., предполагает крайне широкую трактовку самого понятия «хиндиязычный ареал» и восприятие таких региональных вариаций, как *бходжпури*, *раджастхани*, *чхаттисгархи* и других, именно как диалектов хинди. Однако с лингвистической точки зрения данный вопрос остается как минимум спорным. Проблема затрагивает десятки миллионов человек, наиболее ярким примером чего является ситуация с *бходжпури*, носителями которого являются более 50 млн человек, в основном в штате Бихар. Вопрос о том, должны ли относительно близкие к хинди языки получать официальный статус, напрямую связан с современной политической ситуацией. Проблема признания официального статуса *бходжпури* и *авадхи* (около 40 млн носителей) активно обсуждается в политической повестке штатов Уттар-Прадеш и Бихар. В феврале 2025 г. глава правительства Уттар-Прадеша Йоги Адитьянатх допустил возможность использования региональных языков в работе законодательного собрания штата[10].

ЯЗЫКИ *ХИМАЧАЛИ*: ОТСУТСТВИЕ ОФИЦИАЛЬНОГО СТАТУСА

Для более детального изучения ситуации в хиндиязычном поясе в качестве предмета исследования был выбран штат Химачал-Прадеш. Особый интерес к нему обусловлен сочетанием ряда факторов. Прежде всего, Химачал-Прадеш отличается ярко выраженной региональной идентичностью. Несмотря на сравнительно недавнее административное оформление – штат был официально создан в 1956 г. на основе объединения ряда мелких княжеств, ранее входивших в состав Панджаба, – регион сохраняет устойчивые культурные и исторические особенности, позволяющие рассматривать его как целостное социальное и культурное пространство.

Во-вторых, горный характер региона определяет специфику традиционной хозяйственной деятельности, отличающейся от равнинной Индии как по структуре, так и по взаимодействию с природной средой. Эти различия проявляются не только в социально-экономических практиках, но и в визуальной и символической репрезентации региона – от архитектурных форм до элементов традиционного костюма и фольклора. Центральным понятием в этом контексте является культура *пахари* как совокупность горных традиций, укорененных в специфике ландшафта и образа жизни.

Кроме того, значимым фактором становится туристическая индустрия: Химачал-Прадеш – одно из важнейших туристических направлений в современной Индии. Привлекательность региона формируется не только за счет природных условий, но и благодаря устойчивому культурному образу «горной Индии», сложившемуся еще в колониальный период, когда британская администрация развивала в Химачале сеть горных курортов. Современные туристические практики опираются на этот исторический наследственный образ, одновременно способствуя его воспроизводству и институционализации.

Несмотря на очевидную культурную и географическую обособленность региона, на уровне официальной языковой политики Химачал-Прадеш демонстрирует высокую степень унификации. Единственным языком, официально признанным на региональном уровне, является хинди. Хинди, наряду с английским, используется в административной сфере и в системе образования всех уровней. Формальный статус *санскрита* как одного из официальных языков штата, закрепленный в региональной конституции, по сути имеет символический характер и не оказывает существенного влияния на языковую практику.

Возникает закономерный вопрос: соответствует ли официальная иерархия языков в штате реальной языковой ситуации? Данные переписи населения 2011 г. позволяют ответить на него отрицательно. Со-

[9] BJP MP gives zero hour notice in RS demanding inclusion of ‘Gondi’ in Eighth Schedule of Constitution. https://businessworld.in/article/bjp-mp-gives-zero-hour-notice-in-rs-demanding-inclusion-of-gondi-in-eighth-schedule-of-constitution-376252 (accessed 29.04.2025)

[10] Yogi Adityanath announces regional dialects for Uttar Pradesh assembly proceedings. https://timesofindia.indiatimes.com/city/lucknow/yogi-adityanath-announces-regional-dialects-for-uttar-pradesh-assembly-proceedings/articleshow/118350900.cms (accessed 30.04.2025)

гласно переписи, хинди указали в качестве родного языка лишь около 15% населения Химачал-Прадеша. Абсолютное же большинство жителей региона в быту использует различные формы т.н. *пахари* (более точным будет термин «*химачали*») – совокупности родственных, но далеко не всегда взаимопонятных языков *индоарийской* семьи[11].

Тот факт, что 31% населения указали *пахари* в качестве родного языка, нуждается в уточнении. Термин «*пахари*» восходит в лингвистике к классификации *индоарийских* языков Дж.А.Грирсона, британского лингвиста, труд которого «*Linguistic Survey of India*» до сих пор является авторитетным источником. Грирсон, в свою очередь, перенял классификацию *индоарийских* языков Гималаев у Дж.А.Бэйнса (уполномоченного по переписи Индии 1891 г.), который ввел таксон «*пахари*» и разделил его на 3 ветви – восточную (*непали* и его диалекты), центральную (*гархвали* и *кумаони*) и западную (ряд *индоарийских* идиомов, распространенных в Западных Гималаях, преимущественно на территории современного штата Химачал-Прадеш).

Однако поскольку на современном уровне исследований бóльшая часть данных противоречит объединению западных пахари с центральными и восточными, в современных работах предпочтителен термин «*химачали*». При этом «*пахари*» остается популярным самоназванием для множества индоарийских народов Гималаев, и в результате именно это слово используется в переписи.

Термины «*химачали*» и «*западные пахари*», используемые как синонимы, в работах разных исследователей включали в себя разные идиомы. Несомненно, что эта группа представляет собой диалектный континуум, при этом наиболее спорной является его северо-западная граница. Так, по Грирсону, *кангри* относится к *панджаби*, тогда как в более современных работах принята классификация, более соответствующая нынешним административным границам Химачал-Прадеша, и *кангри* является одним из крупнейших идиомов *химачали*.

Кангри, несомненно, лингвистически близок к *догри*, являющемуся с 2003 г. официальным языком Джамму и Кашмира, и, по некоторым классификациям, они вместе составляют подгруппу внутри таксона *химачали*. Также со времен Грирсона в части классификаций к *химачали* принято относить группу *бхадравахи*, распространенную в Джамму и Кашмире.

Что касается восточной части ареала, то здесь исследователи более или менее единодушны – за пределами штата Химачал-Прадеш к *химачали* относятся только *джаунсари* и *бангани* в Уттаракханде.

Таким образом, разделение между «*западными пахари*» – *химачали*, с одной стороны, и центральными и восточными пахари, с другой стороны, несомненно, тогда как сомнения среди лингвистов вызывают как раз границы с *панджаби* и *дардскими* языками Джамму и Кашмира. Использование слова *«пахари»* в быту, в популярных и иногда научных текстах вносит дополнительную путаницу. *«Пахари»* в различных словоупотреблениях может обозначать группу *гархвали* и *кумаони* в Уттаракханде, распространенный в Пакистане язык *пахари-потхвари*, часть диалектов *догри*, относящихся к высокогорным регионам, один из диалектов *биласпури* (идиома *химачали*), распространенный в горном регионе штата Панджаб, один из диалектов *бхили* в Гуджарате и даже *тибето-бирманский* язык в Непале. В связи с этим термин *«химачали»* гораздо более уместен, когда речь идет о континууме *индоарийских* языков в Западных Гималаях.

Возможная интерпретация результатов переписи 2011 г. с учетом распределения ответов по округам предполагает, что за ответом *«пахари»* (31,9%) скрываются в основном идиомы, распространенные в окрестностях Шимлы (*кьонтхли* в терминологии Грирсона, *махасуи* у более поздних авторов), часть многочисленных диалектов *кангри*, а также отчасти другие идиомы *химачали*, среди носителей которых это самоназвание менее популярно (в случае *куллуи*, например, преимущественное самоназвание – *деши*, т.е. «местный»). На 2-м месте по популярности ответов стоит *кангри* (16,3%), и только 3-е (15,7%) занимает хинди. При этом данные социолингвистических опросов 2014–2018 гг. свидетельствуют о том, что даже эта цифра может быть завышена, т.к. понятие «родной язык» закрепляется за хинди школьным образованием [3, с. 75]. Бóльшая часть остальных жителей при ответе на вопрос о родном языке назвали те или иные идиомы *химачали* (*мандеали*, *куллуи*, *сирмаури* и др.).

[11] Языки *химачали* изучаются российскими исследователями, в т.ч. одной из авторов. С 2014 по 2023 г. она участвовала в 6 полевых исследованиях (главным образом языка *куллуи*), с результатами которых можно ознакомиться на онлайн-ресурсах – https://pahari-languages.ru; https://kullui-corpus.info; https://www.kullui.org.

В большинстве районов штата доля носителей местных языков *химачали*, согласно переписи, составляет около 80% населения и даже выше. Исключение составляют лишь отдельные приграничные территории: равнинные районы на юге и юго-западе, где распространены хинди и *панджаби*, а также высокогорные области северо-востока, где говорят на *тибето-бирманских* языках.

Тем не менее официальная языковая политика штата рассматривает все *химачали* как диалекты хинди. Такое обозначение не выдерживает лингвистической критики. Речь идет не о диалектах единого языка, а о множестве идиомов, многие из которых имеют низкую степень взаимопонимания с литературным хинди, а в ряде случаев (например, в случае *куллуи*) вообще не обладают взаимопонятностью. Лингвистические исследования подтверждают наличие четко различимых языковых систем внутри континуума *химачали*, объединенных, скорее, культурной и географической близостью, нежели структурным единством.

Причины подобной ситуации можно свести к нескольким ключевым факторам. Прежде всего, языки *химачали* не имеют общей литературной нормы. Языковое разнообразие внутри региона само по себе затрудняет создание единой нормативной формы. В истории Химачал-Прадеша не существовало централизованного политического образования, в котором могла бы сложиться литературная традиция. С XIX в. регион последовательно находился под влиянием внешних политических и культурных сил – сначала Сикхской империи, затем Британской Индии. Роль *lingua franca* в различные периоды выполняли *фарси*, *панджаби*, английский, а впоследствии – хинди. Локальные языки в силу этого оказывались в подчиненном положении, не имея институциональной поддержки.

Современные попытки работы над созданием стандартного *химачали* сталкиваются с естественными противоречиями. Так, в 2012 г. вышла книга «*Химачали*» известного химачальского лингвиста и создателя очерка языка *куллуи* М.Р.Тхакура, изданная в серии Сахитья Акедеми (Литературной Академии, основной национальной организации, занимающейся продвижением литератур на языках Индии) о т.н. «соязыках» хинди. В этой работе автор, помимо языкового и литературного обзора *химачали*, ссылаясь в том числе на мнение Дж.А.Грирсона, доказывает, что в *куллуи* наиболее ярко проявляются особенности группы *химачали*, тогда как многие другие идиомы *химачали* в большей степени подвержены влиянию «равнинных» и статусных хинди и *панджаби* [4, pp. 12–21]. С лингвистической точки зрения сложно не согласиться здесь как с М.Р.Тхакуром, так и с Дж.А.Грирсоном – например, в *куллуи* наиболее полно представлен дополнительный ряд аффрикат и в большем количестве слов проявляется химачальское «окание», придающее столь своеобразный облик химачальской речи.

Если исходить из поиска т.н. «чистого» *химачали* при разработке литературной нормы, что является важным параметром для индийской языковой идентичности, *куллуи* мог бы быть вероятным кандидатом на звание такового. В то же время число носителей *куллуи* не превышает 3% от общего числа жителей штата, и трудно себе представить, что его использование для разработки стандартного *химачали* будет принято носителями в разы более распространенных и популярных *кьонтхли* или *кангри*.

Отсутствие литературной традиции и стандартизированной письменной формы (все *химачали* записываются с помощью деванагари – письменности, ассоциирующейся с хинди и *санскритом*) способствует распространенному среди местного населения восприятию собственных языков как «неполноценных», «низкопробных» или «деревенских». Такая ситуация усугубляет процессы языкового сдвига и препятствует попыткам языкового активизма и культурной ревитализации.

До начала XX в. на территории современного штата Химачал-Прадеш (и отчасти Уттаракханда) существовала собственная письменная традиция. Речь идет о системе письма *танкри* (такри), которая использовалась для записи целого ряда языков *химачали*, включая *чамбеали, сирмаури, куллуи, мандеали* и др. Танкри имел официальный статус в княжестве Джамму и Кашмир как письмо для языка *догри*, однако его использование в различных вариациях было значительно шире и охватывало бóльшую часть районов Северо-Западных Гималаев.

Уже в первой половине XX в. *танкри* оказалось в заведомо невыгодном положении: его использование было преимущественно рукописным и ограничивалось хозяйственными и торговыми записями, частной перепиской, гороскопами, изредка локальными религиозными текстами. Отсутствие устойчивой традиции книгоиздания, государственной поддержки и образовательных инициатив на основе танкри обусловило его стремительное вытеснение системой деванагари. В середине XX в. во всех регионах

традиционного распространения танкри оно было практически полностью заменено деванагари. На сегодняшний день знание *танкри* сохраняется лишь среди отдельных пожилых носителей языков *химачали* и не передается следующим поколениям.

Парадоксальным образом именно политическое признание горных территорий как отдельных административных единиц в составе Индийского Союза, в частности формирование Химачал-Прадеша как штата, сыграло негативную роль в судьбе локальных языков и письменных традиций. Хотя штат Химачал-Прадеш официально получил статус в 1971 г., фактическое его выделение из состава Пенджаба произошло уже в 1948 г. Создание отдельной административной единицы с центром в Шимле не вызывало серьезных дискуссий; в отличие от Панджаба, здесь не было сколько-нибудь организованного движения за права местных языков.

Сложившаяся на настоящий момент ситуация закрепляет низкий статус местных языков как в Химачале, так и в соседнем гималайском штате Уттаракханд. Сейчас можно говорить о практически поголовном владении хинди местными жителями среднего и младшего возрастов.

Особенно заметной утрата языка становится среди молодого поколения в тех регионах Химачал-Прадеша, где экономическая ситуация более благоприятна, и где наблюдается активный туристический поток из Дели и других хиндиязычных областей, например в долине Куллу. В этих районах молодые люди со средним и высшим образованием все чаще теряют связь с родными языками. Даже с точки зрения самих носителей, местные языки воспринимаются как не имеющие ценности для образования и профессионального роста. В семейной практике все чаще наблюдается ситуация, при которой язык родителей становится непонятным для детей. Сложившееся трехъязычие (английский – хинди – местный вариант *химачали*) функционирует таким образом, что родной язык оказывается в наиболее уязвимом положении.

ЯЗЫКОВОЙ ВОПРОС И МЕСТНАЯ ПОЛИТИКА

Региональная идентичность в политической жизни штата, безусловно, присутствует, что находит отражение даже во внешнем облике политических деятелей. Их традиционный костюм практически всегда дополняется «пахари топи» – шерстяной шапочкой с узорной тесьмой по краю. Примечательно, что цвет шапочки указывает на партийную принадлежность: представители Индийского национального конгресса предпочитают шапочки с зелеными краями, тогда как сторонники «Бхаратия джаната парти» (Индийская народная партия, БДП) – с бордовыми.

Других партийных цветов, в общем-то, не требуется – Химачал-Прадеш относится к числу двухпартийных индийских штатов, где вся политическая жизнь сводится к борьбе между ИНК и БДП. Успехи других партий остаются крайне скромными: за последние 20 лет только коммунисты и низкокастовая Партия большинства общества смогли провести всего по одному депутату [5, p. 50].

Для анализа политической жизни штата важно понимать, что кастовый состав населения Химачал-Прадеша представляет собой аномалию с точки зрения общей структуры индийского общества. Высшие касты, составляющие в среднем по Индии примерно 15%, в Химачале составляют более 50% населения – в основном это раджпуты и брахманы, которые безоговорочно доминируют в политике региона[12]. Это становится особенно очевидно, если рассмотреть ситуацию в отдельных избирательных округах. Например, в округе Куллу с 1967 г. сменилось 7 представителей в законодательной ассамблее; они относились к 2 разным партиям – ИНК и БДП, но все были раджпутами (т.е. представляли основную землевладельческую касту региона). В 2012–2017 гг. округ представлял Махешвар Сингх – титулярный князь Куллу [6, p. 13].

Потомки княжеских семей на выборных должностях в Химачал-Прадеше – явление далеко не редкое. Так, Вирбхадра Сингх – политик Конгресса, четырежды возглавлявший правительство штата, – был титулярным раджей Бушахра. Для высококастовых региональных элит партийные различия до некоторой степени второстепенны, угрозы для своего доминирования они не чувствуют и языковой вопрос в этой ситуации многие десятилетия казался им второстепенным.

[12] Himachal polls-2017: Of Rajput rulers and Brahmin kingmakers. https://www.hindustantimes.com/india-news/himachal-polls-2017-of-rajput-rulers-and-brahmin-kingmakers/story-puR0N5Ky8DWxlJaOzLFAbJ.html (accessed 01.05.2025)

Химачал-Прадеш интересно сравнить с Раджастханом. Этот штат также формально относится к хиндиязычному ареалу, но фактически в бытовом общении здесь также используются местные языки. В Раджастхане, как и в Химачале, существует мощная региональная идентичность, основанная на истории раджпутской государственности, высокая доля высших каст, двухпартийная система (БДП – ИНК), а также отсутствует необходимость для политических сил в продвижении местных языков.

Изменения в Химачале и усиление позиций языковых активистов могут быть связаны не столько с партийной борьбой, сколько с изменением экономико-демографической ситуации в «большом» хиндиязычном ареале. Химачал-Прадеш отличается среди прочих хиндиязычных штатов низким уровнем рождаемости – 1,7 ребенка на женщину против 2,3 в Уттар-Прадеше и 3,0 в Бихаре.

Из бедных штатов с высокой рождаемостью, прежде всего из Бихара, идет поток низкоквалифицированных рабочих, вовлеченных в строительную и туристическую отрасли. Точное число мигрантов неизвестно, поскольку меры по их регистрации власти штата начали принимать лишь в последние годы[13]. В социальных сетях «бихарцев» (собирательное название для мигрантов из бедных равнинных регионов, которое на практике включает и уроженцев Уттар-Прадеша) часто обвиняют в росте преступности и неуважении к местным традициям[14]. К этим обвинениям часто присоединяются и представители властей. После наводнений 2023 г. глава правительства С.Сингх Сукху обвинил мигрантов в нарушениях строительных норм, приведших к обрушению зданий и многочисленным жертвам[15]. Достоверность обвинений не имеет большого значения, важно то, что население и элиты все более воспринимают внешнюю миграцию как угрозу. Местные языки в такой ситуации могут начать восприниматься как средство защиты региона, а их присутствие в жизни Химачала – принимать новые формы.

День пахари, отмечаемый 1 ноября в честь создания штата Химачал-Прадеш, с 1960-х гг. используется рядом активистов как средство пропаганды местных языков[16]. Позднее, 17 ноября, был введен также День родного языка – международный праздник, учрежденный ООН, который получил новое значение в контексте продвижения прав языков *химачали*. Важную роль в этом процессе сыграл Н.Ч.Паришар, депутат общенационального парламента от Индийского национального конгресса, представлявший Химачал-Прадеш.

Паришар занимался литературной деятельностью, в частности, переводил буддийские тексты на родной язык, а также активно лоббировал признание *химачали* официальным языком. В 2021 г. группа языковых активистов подала петицию с требованием официального признания *химачали-пахари* с любыми формами письменности и дальнейшей ревитализации письма танкри, ссылаясь на успешный опыт защиты миноритарных языков в Европе[17]. Новые формы продвижения языков активно развиваются в социальных сетях: особую популярность приобрели стендап-выступления и создание видеороликов на различных вариантах *химачали* на платформе *TikTok*[18].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Будущее химачальских языков представляется противоречивым. С одной стороны, вытеснения хинди с официальных позиций явно не ожидается; сомнительным выглядит и создание общего литературного языка для региона. Однако возможно сосуществование химачальских языков с хинди, а также по-

[13] After Shimla, verification of migrant workers made must in Himachal's Una. https://www.hindustantimes.com/cities/chandigarh-news/after-shimla-verification-of-migrant-workers-made-must-in-himachal-s-una-101729624278846.html (accessed 02.05.2025)

[14] Growing slums in Himachal and demographic change by UP. https://reddit.com/r/HimachalPradesh/comments/14s83ui/growing_slums_in_himachal_and_demographic_change (accessed 03.05.2025)

[15] «No Right To Insult...»: BJP On Himachal Chief Minister's "Bihari" Remark. https://www.ndtv.com/india-news/bjp-slams-himachal-chief-minister-over-remark-on-bihari-migrant-labourers-4306655 (accessed 04.05.2025)

[16] Professor Narayan Chand Parasha fought tirelessly for the identity of Pahari language. https://himachalheadlines.com/lifestyle/professor-narayan-chand-parasha-fought-tirelessly-for-the-identity-of-pahari-language/ (accessed 05.05.2025)

[17] PIL Filed in HP High Court Re-Ignites Quest for Recognizing Pahari (Himachali) as Hill State's Official Language. https://himachalwatcher.com/2021/11/12/pil-filed-in-hp-high-court-re-ignites-quest-for-recognizing-pahari-himachali-as-hill-states-official-language/ (accessed 27.04.2025)

[18] Could 'Pahari renaissance' be a path to economic revival in Himachal and beyond? .https://sapannews.com/2024/10/31/is-pahari-renaissance-a-path-to-economic-revival-in-himachal-and-beyond/?fbclid=IwY2xjawJlxkhleHRuA2FlbQIxMQABHgPElPc3vVpP7aan_crJrW7gSHP-qFJvgIpS-P73_5raAoUkKD0JzG_KPo_aem_gUwQ21SwMVcnY5vPZ7N8hQ (accessed 27.04.2025)

лучение ими официального статуса – в случае, если проблема внешней миграции и необходимость защиты региональной идентичности в Химачале приобретут еще большую актуальность. По аналогичному сценарию развитие событий возможно и в других штатах большого хиндиязычного ареала, что потенциально может привести к серьезному увеличению числа официальных языков в Индии.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Sengupta P. 2019. Hindi Imposition: Examining Gandhi's Views on Common Language for India. *Economic and Political Weekly*. Vol. 54. № 44.
2. Shahani U. 2022. Language without a Land: Partition, Sindhi Refugees, and the Eighth Schedule of the Indian Constitution. *Asian Affairs.* Vol. 53. № 2. DOI: 10.1080/03068374.2022.2096308
3. Ренковская Е.А., Крылова А.С.Система образования как препятствие для межпоколенческой передачи миноритарных языков Индии. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. Т. 33. № 3. С. 70–80. DOI: 10.23951/2307-6119-2021-3-70-80
   Renkovskaya E.A., Krylova A.S. 2021. Education system against language transmission? Case of minority languages in India. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. Vol. 33. № 3. Pp. 70–80. (In Russ.). DOI: 10.23951/2307-6119-2021-3-70-80
4. Thakur M. 2012. Himachali. (In Hindi)
5. Berti D. 2006. Ritual Kingship, Divine Bureaucracy, and Electoral Politics in Kullu. *European Bulletin of Himalayan Research.* № 29–30. Pp. 39–61.
6. Bhardvaj P.R. 2008. Himachal Pradesh Elections: An Analysis. *Economic and Political Weekly.* Vol. 43. № 2. Pp. 13–16.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Спектор Илья Борисович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра перспективных исследований Института востоковедения РАН; старший научный сотрудник ИСАА МГУ, Москва, Россия.

Крылова Анастасия Сергеевна, научный сотрудник Центра перспективных исследований Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Ilya B. Spektor, PhD (History), Center for Advanced Research, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Senior Researcher, Institute of Asian and African Studies, Moscow State University, Moscow, Russia.

Anastasia S. Krylova, Researcher, Center for Advanced Research, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received) 07.05.2025
Доработана после рецензирования (Revised) 10.06.2025
Принята к публикации (Accepted) 12.08.2025